

Т.В. Смирнова

Усадьба Михайловское Звенигородского уезда (по воспоминаниям Екатерины Ивановны Раевской)

Екатерина Ивановна Раевская, урожденная Бибикова, (1817–1900) написала обширные мемуары¹. В детские ее годы семья жила зимой в Москве, а летом в усадьбе Михайловское Звенигородского уезда, принадлежавшей ее матери Софье Гавриловне Бибиковой. Село Михайловское расположено в 60 верстах от Москвы, на берегу Москвы-реки, в 17 верстах от Звенигорода. Звон большого колокола, подаренного Саввино-Сторожевскому монастырю царем Алексеем Михайловичем, был слышен в Михайловском. Детей возили в монастырь поклониться мощам преподобного Саввы, в то время открытым. Девочка запомнила «бледный, тонкий, заостренный и прямой нос Угодника».

Е.И. Раевская пишет, что село Михайловское, как гласит старинная летопись, было когда-то городом. В детстве она еще видела места, где раньше стояли церкви. Холм, на котором раньше располагались городские укрепления, был скрыт двумя площадками: на верхней была выстроена церковь, обсаженная деревьями, а на нижней стоял большой господский дом. Позднее его сменил домик дочери автора воспоминаний Александры.

Интересна история, в результате которой прежний помещик Ордалионов продал имение С.Г. Бибиковой. В сельской церкви стояли два изваяния, вырезанные из дерева и окрашенные масляными красками: Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы. Крестьяне, бывшие в основном старообрядцами, носили их во время засухи по полям и лугам крестным ходом. Господин Ордалионов был возмущен этими, на его взгляд, безобразными статуями, приказал их изъять из церкви, и запер в своем подвале. Крестьяне подошли ночью с факелами к барскому дому и угрожали

сжечь его вместе с владельцем, если он не отдаст извинения. Помещик вынужден был уступить. Но не захотел после этого жить в усадьбе и продал ее. Казалось бы, помещик по закону имел полную власть над своими крепостными, но предпочел уехать. Это имение с тремястами душ, тремя тысячами десятин земли, с лесами и заливными лугами и было куплено С.Г. Бибиковой. А статуи святых на памяти Е.И. Раевской в 1820-е годы стояли уже не в самой церкви, а в трапезной.

Новая владелица имения была женщиной незаурядной: отличалась интересом к истории, философии и другим наукам. Она много занималась обучением своих детей по собственной, разработанной ею системе. Е.И. Раевская слышала в детстве, что посторонние выговаривали ее матери, зачем она девочку обучает наукам, годным только мужчинам. В двадцатые годы XIX столетия «девочек в высшем кругу обучали только танцам, брэнчанию на рояли и французской болтовне». Но С.Г. Бибикова не смущалась чужими речами и продолжала поступать по своим убеждениям. Выделялась она не только любовью к детям, но была милостива ко всем. Крестьяне ее обожали. Она лечила больных по лечебникам Гуфеланга и Каменецкого и очень успешно (врачей тогда в сельской местности не было) перевязывала раны, присутствовала при опасных родах крестьянских баб, и везде, как пишет Е.И. Раевская, ей сопутствовали благословения бедняков. Она и детей приучала видеть в крестьянах людей, себе подобных, а не машины для выколачивания денег.

Поэтично описывает Е.И. Раевская летнюю жизнь в усадьбе. «В этом прелестном Михайловском протекли лучшие счастливые годы моего детства. Эти годы остались в моей памяти ярко озаренными солнечными лучами и пропитанными ароматом лесных и луговых трав и цветов. Как теперь, вижу наш огромный, высокий дом изящной архитектуры, с мезонином и антресолями, с примыкающими к нему высокими террасами, уставленными померанцевыми деревьями. На крыше развевался большой флаг с

мальтийской звездой. Этот флаг был виден верст за десять: дом стоял на утесе, как на пьедестале. Перед самым домом холм кончался обрывом, устланным дерном, а у подошвы его стелятся и теперь заливные луга, испещренные цветами, а по ним, извиваясь голубой лентой, бежит Москва-река. Сквозь воду ее, как хрусталь прозрачную, видно белое песчаное дно, а в воде играют на солнце тысячи ершей и пескарей. Мы, дети, часто ходили удить рыбу в реке, но я ни одной рыбы никогда не выудила, потому что, не следуя примеру товарищей, выбирающих глубокие темные места, садилась всегда на берегу у мелководья и в прозрачной воде по целым часам любовалась игрой тысячи разнородных рыбок, блестящих чешуйками под лучами солнца, а удочка без действия лежала, забытая, около меня на траве.

С высоты холма можно было окинуть взором несколько десятков верст, множество прибрежных деревень, дальних роц и лесочков. Все приезжие гости, войдя на верхний балкон второго этажа, долго, бывало, не могли оторваться от этого очаровательного вида. Мы же, дети, предпочитали большую развесистую березу, росшую у самой террасы. Тут мы строили шалаши, готовили кушанья из песка и крошеной репы. В деревне, да еще летом, детям раздолье. Цветов, ягод, грибов, хоть пруд пруди, гулянье по лесам, купанье в реке, даже под палящим солнцем. Но что детям до солнца? Они крепнут от его лучей и не утомляются ими.

Ночевали мы, девочки, в большой высокой комнате, рядом с комнатой нашей гувернантки, немки Марьи Андреевны. Два больших наших окна выходили на цветник, что нам очень нравилось. Прелестное Михайловское и уроки моего наставника и друга Василия Андреевича Золотова развили во мне прирожденную, наследованную от отца любовь к природе и к деревенской жизни. Я любила убегать от товарищей и одна уходить в любимую мной рощицу из берез и кленов, растущих над светлым ручьем. Тут бросалась я на траву, и, закинув руки за голову, смотрела на синее небо и обрисованную на нем зеленую листву, Смотрела, как белые облака

проходили, будто гонимые этими тихо колеблемыми ветром ветвями, будто ветви эти сметали их с небесной лазури, а я утопала в этой ясной синеве, будто сливаясь с нею. В эти неизъяснимо сладкие минуты я забывала все, и только голос Марьи Андреевны, меня ищущей, возвращал меня к действительности.

Однажды ночью я проснулась от сильного удара грома. Вся комната осветилась молнией, и я, нимало не испугавшись, соскочила с кровати, и, вскарабкавшись на высокий подоконник, ухитрилась тихонько отворить окно и уселась на нем, поджавши босые ноги под ночную рубашку. Долго я так сидела, любуясь раскатами грома и яркою молниею, которая, раздирая тучи, освещала на миг дальние поля, леса, деревню, извилистую Москву-реку, цветник под окнами, меня самое, а потом угасала в прозрачной темноте благовонной июньской ночи».

Отец Екатерины Ивановны Иван Петрович Бибиков (1787–1856), полковник, участник нескольких войн, в том числе Кавказской, русско-турецкой, Отечественной войны 1812 года, отличался любовью к искусству, писал стихи, имел в Михайловском собственную картинную галерею. Галерея эта простиралась на всю ширину дома, длина ее была 24 аршина, ширина – 12, высота – 9 аршин. Освещали ее с двух противоположных сторон большие итальянские окна. Посередине галереи, около сплошной наружной стены, был камин и над ним бюст Аполлона.

Так как И.П. Бибиков был страстным охотником, большая часть картин была на охотничьи темы. Среди них огромными размерами выделялись картины Шнейдерса². Две из них представляли охоту на медведя и на оленя в натуральную величину. Две других являлись натюрмортами, изображавшими битую дичь, фрукты и цветы. На одном из них был написан юноша в средневековом одеянии с попугаем на пальце. Эту фигуру приписывали кисти Рубенса. В галерее была также большая картина французского художника Обри³ – портрет старого ружейного охотника в натуральную

величину, с двумя легавыми собаками. Эти собаки, вероятно, тоже были портретами, – считает Е.И. Раевская, – потому что над каждой большими золотыми буквами было написано имя.

В галерее находились и полотна Симона Шардена, помеченные его именем и 1733 годом⁴. Это парные картины с изображением битой дичи, ружей и собак – на одной – пуделя, на другой – французской легавой. Е.И. Раевская вспоминает, что в галерее были также пейзажи, картины на исторические и мифологические темы Пьера Сюблейра и других художников.

Но получив в наследство имение Сергиевское в Рязанской губернии, И.П. Бибиков решил переехать. В Сергиевском дом был небольшой, комнаты довольно низкие. Поместить там картины было немыслимо. Оставить же их в Михайловском, в нетопленном помещении под присмотром старосты – значило погубить их. И Бибиков часть картин продал, часть раздарил. Картина Обри была продана за 600 рублей, а полотна Шнейдерса приобрел англичанин, специально приезжавший в Россию покупать картины этого художника. Заплатил он 4000 рублей.

Маленькая Екатерина Бибикова, бывало, часами стояла перед этими картинами, так что башмачки прилипали к плохо покрашенному полу, и девочка не могла сдвинуться с места. Тогда она разувалась и убегала, сняв башмаки. Когда картины продали, она горько плакала. В семье остались только холсты Шардена – они были небольшого размера. Потомки продали их уже после 1924 года и прожили деньги в конце 1920 – начале 1930-х годов.

Хотелось бы обратить внимание на мемуары Е. И. Раевской. Краеведы разных местностей могут найти в них много интересного. Отрывки из ее мемуаров и очерки печатались в 1880–1890-х годах в журналах «Исторический вестник», «Русский архив», «Русская стаина», «Книжки недели» за подписью Е. Раевская и под псевдонимом «Старушка из степи»².

Ее мемуары имеют сходство с такими произведениями С.Т. Аксакова как «Детские годы Багрова-внука» и «Семейная хроника».

---

¹ Раевская Екатерина Ивановна. Воспоминания. Машинопись. Частный архив.

² В современной транскрипции Франс Снейдерс (1579–1657) – крупнейший фламандский художник, мастер натюрмортов и анималист, развивавшийся под влиянием П.П. Рубенса. Фигуры на его картинах писали Я. Йорданс, А. Янсенс и другие художники.

³ Возможно, речь идет о придворном французском художнике Жане Батисте Удри (Odry) (1686–1755), авторе многих охотничьих сцен, натюрмортов и портретов.

⁴ Жан Батист Симеон Шарден (1699–1779) – известный французский живописец, автор картин на бытовые темы и натюрмортов.

Р.С. В альманахе «Памятники Отечества» № 31, 1994 опубликованы «Проселки (путевые заметки) графа Сергея Дмитриевича Шереметева, написанные в июле 1897 года в селе Михайловском. Название, конечно, распространенное. Но в тексте он упоминает поездку из Покровского в Михайловское, причем по пути заезжали в Колаллово, близ Звенигорода, имение А.А. Васильчикова. Упоминается и село успенское, как бывшее Бибиковых по пути из Звенигорода в Уборы. Возможно, что бибиковское Михайловское позже перешло к Шереметевым.

Опубл.: Краеведческие чтения памяти А.И. Виноградова. Материалы 1–3 краеведческих чтений. Большие Вяземы, 2003. С. 132–136.